

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАКАЕВА, Ивана Петровича,

от 10-11 января 1935 года.

ВОПРОС: Назовите основные факты деятельности московского центра зиновьевской организации на всем протяжении его существования?

ОТВЕТ: Я смогу указать действительно только главные факты из деятельности центра, насколько это мне позволяет сделать память. Весь отрезок времени с 1928 г. по 1934 г. был обилён таким количеством событий, действий, в которых мне приходилось принимать участие, что все запомнить невозможно.

Задачей всей нашей работы за рассматриваемый период было постепенно собирать, сохранять старые связи с быв. участниками зиновьевско-троцкистского блока, где бы они ни находились — вокруг ЗИНОВЬЕВА, — нас узкой группы людей, проводивших его идеи.

Эту задачу ^{мы} осуществляли путем нелегальных встреч и с собраний, путем распространения контр-революционной по своему характеру информации о деятельности партии, Коминтерна и Совправительства.

Действительные трудности социалистического строительства, мы преувеличивали; важнейшие положительные факты хозяйственной деятельности партии и правительства, мы изображали, как проявление несостоятельности руководства партии, указывая на тягчайшие последствия, к которым они приведут; исходя из этого, мы рассчитывали, что нас привлекут к руководству.

Возьмете ли Вы, наши обсуждения разногласий внутри ЦК ВКП(б) — тема, которой мы систематически занимались на всем протяжении нашей деятельности — или другие вопросы, они все

- 2 -

были проникнуты этой идеей.

Основание зиновьевской организации заложено на совещании на квартире ЗИНОВЬЕВА, имевшем место буквально на второй день после XV съезда ВКП(б). На этом совещании, насколько я помню, присутствовали помимо ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, ЛАНЕВИЧ, я - БАКАЕВ, ФЕДОРОВ, ШАРОВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, ГЕССЕН, НАУМОВ. Мы подвели итоги съезда, признали, что решения съезда половинчато разрешают постановленные в наших фракционных документах вопросы, приняты под нашим давлением и в результате компромисса между большинством ЦК и группой БУХАРИНА, РЫКОВА и других, что наступят затруднения с хлебом и по ряду других народно-хозяйственных вопросов, что неизбежна дальнейшая борьба внутри партии, необходимо вернуться в партию для участия в борьбе.

Тут же оформился тот состав центра, который с небольшими изменениями существовал до последнего времени. Это - ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, я - БАКАЕВ, ФЕДОРОВ, ШАРОВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, ЛАНЕВИЧ - до момента смерти, ХАРИТОНОВ - до 1932 г.; позднее участником центра сделался ГОРШЕНИН.

В том же 1928 г. состоялось совещание членов центра на квартире ЗИНОВЬЕВА, на котором нами обсуждалось решение ЦК ВКП(б) о высылке из пределов Союза ТРОЦКОГО. На решение я реагировал требованием, что надо протестовать против высылки, не исключая, что именно я бросил реплику: "Что-же, не ждать нам, пока людей начнут вешать". Остальные присутствовавшие на совещании члены центра: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, кажется, ЕВДОКИМОВ, ХАРИТОНОВ высказались против моего предложения и на этом вопрос был закончен.

Далее следует, так называемый, Калужский период в работе организации - это конец 1928 г., и, повицимому, часть 1929 г. К ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ, находившимся в Калуге потянулись быв. оппозиционеры из разных городов и мест; у них побывали я, и кажется, ЗАЛУЦКИЙ; в Москве, куда я приехал из Вятки, где находился на постоянной работе, я встретил БОГДАНА, секретаря ЗИНОВЬЕВА, который меня свел с ЗИНОВЬЕВЫМ, находившимся в тот момент в Москве и вместе с ним я поехал в Калугу, где нас встречал КАМЕНЕВ. С ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ я имел ряд бесед по текущим политическим вопросам в духе наших обычных нападок на руководство ВКП(б) и правительство, содержание которых мне трудно сейчас припомнить.

По возвращении из Калуги в Москву мне известно, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ организовали два семинара: политический и экономический, первый под руководством ЗИНОВЬЕВА, второй - КАМЕНЕВА, на которых обсуждались вопросы партийной политики, в обычных для нас выражениях; на семинарах присутствовала только наша публика и преследовали они цель не допустить отрыва от политики наших единомышленников; зная, что эти семинары просуществовали недолго.

В 1929 г. состоялись похороны ЛАШЕВИЧА в гор. Ленинграде; небольшая группа - ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ, я - БАКАЕВ, КУТЛИН и еще кто-то из наших товарищей, не помню, кто именно, получили разрешение ЦК ВКП(б) на поездку в Ленинград и участие в похоронах. ЗИНОВЬЕВ мне рассказывал, что он использовал эту поездку в Ленинград для встречи с целым рядом единомышленников; на квартире ШАРОВА он провел совещание с остававшейся ему верной молодежью; кроме того, он беседовал с рядом других лиц.

- 4 -

1928 г. и значительную часть 1929 г. я проживал, как я показывал, в Вятке. Нередко, по предупреждению товарищей, я приходил на вокзал и встречал проезжавших через Вятку на Урал, Сибирь, ДВК отдельных участников организации; встречал обычно с КОСТИНОЙ. Когда ЛАНЕВИЧ направлялся в Харбин, на работу, он меня предупредил по телеграфу, чтобы я его встречал на вокзале. От ЛАНЕВИЧА я получил информацию по ряду политических вопросов в нашем специфическом освещении. Таким же путем я встретил РОЦКАНА, который направлялся в Хабаровск, а также ряд других товарищей. В этот период я вел переписку с рядом политических друзей; писал КОРШУНОВУ, переписывался с РОЦКАНОМ, ЕВДОКИМОВЫМ, который был тогда в Ульяновске, писал ПЕКАРЬ-ОРЛОВУ в Новосибирск, а также ЗИНОВЬЕВУ.

В Москву я наезжал один раз в 2 месяца; обычно останавливался на квартире ГЕРТИКА, ходил к ЗИНОВЬЕВУ, КУКЛИНУ, ШАРОВУ и к другим товарищам; получал от них информацию о положении в стране, в партии, в Коминтерне, обсуждая вместе с ними политику партии.

К этому периоду относятся переговоры участников центра с различными антипартийными группировками в целях сотрудничества в борьбе с партией, а следовательно и с Соввластью.

Первая встреча с правыми - состоялась в 1928 году; в ней участвовали КАМЕНЕВ и БУХАРИН; состоялась на квартире БУХАРИНА, БУХАРИН рассказал КАМЕНЕВУ о разногласиях внутри Политбюро, резко отзывался по адресу СТАЛИНА; явно искал у КАМЕНЕВА сочувствия. Об этом разговоре КАМЕНЕВА с БУХАРИНЫМ мне рассказал ЗИНОВЬЕВ в одну из встреч в Москве, более подробно рассказал КАМЕНЕВ в Калуге, когда я туда приехал. КАМЕНЕВ сказал мне, что с правыми надо поддерживать связи в целях получения информации о том, что делается внутри Политбюро; я спросил: "Что, блок

- 5 -

предлагает?", КАМЕНЕВ ответил: "Пока о блоке не говорят".

Вторая встреча с правыми - в том же 1928 г.; была между ЗИНОВЬЕВЫМ и БУХАРИНЫМ; о ней мне рассказал лично ЗИНОВЬЕВ; состоялась на квартире БУХАРИНА; БУХАРИН подробно говорил об увеличивающихся разногласиях внутри ЦК ВКП(б), делал острые выпады против СТАЛИНА, говорил, что он отстранен от работы в ЦККИ, что у группы ЗИНОВЬЕВА сейчас более благоприятное положение, чем у БУХАРИНА и его единомышленников, которых де про-
рабатывают нещадно. ЗИНОВЬЕВ отвечал БУХАРИНУ в сочувственных выражениях.

Я спросил ЗИНОВЬЕВА, не идет ли речь о блоке; он ответил отрицанием и сказал, что "им, видимо, настолько тяжело, что ищут кому бы выложить настроения, нас они считают бешеными и уверены, что эти разговоры не станут известными партии"; ЗИНОВЬЕВ подтвердил, что с правыми надо поддерживать связи для информации.

Третья встреча с правыми - в 1929 году, состоялась на даче ТОМСКОГО или ШМИДА в Москве; участвовали в ней КАМЕНЕВ и ТОМСКИЙ, и, кажется, ШМИДТ, были ли еще участники не могу сейчас сказать - не помню; информацию об этой встрече имею от ЗИНОВЬЕВА. ТОМСКИЙ желовался на партруководство, на СТАЛИНА, говорил, что отношения у них с большинством ЦК крайне обострились, что дело идет к открытой развязке. Ответа КАМЕНЕВА ТОМСКОМУ я сейчас не помню, предполагаю, что он был дан в тех же, сочувственных выражениях, как и выше. Резюме ЗИНОВЬЕВА, сделанное по поводу этой встречи было такое: "Нашей группе придется сыграть значительную роль в этом конфликте".

- 6 -

Четвертая встреча с правыми - произошла в том же 1929 году в Сочи, присутствовали ЗИНОВЬЕВ, ТОМСКИЙ и ФЕДОРОВ Григорий; узнал я об этой встрече от ФЕДОРОВА, после чего обратился за подтверждением к ЗИНОВЬЕВУ. ЗИНОВЬЕВ рассказал, что в Сочи он и ФЕДОРОВ встречались с ТОМСКИМ, что ТОМСКИЙ указывал на тяжелое положение правых, выражал сочувствие ЗИНОВЬЕВУ и его группе и говорил, что положение не может улучшиться без изменения соотношения сил внутри Центрального Комитета, что правые решили начать открытую борьбу со СТАЛИНЫМ и его сторонниками, что ЗИНОВЬЕВ и его группа должны поддерживать правых, если хотят еще участвовать в политической жизни страны. ЗИНОВЬЕВ ответил ТОМСКОМУ, что ответа не может дать без того, чтобы предварительно не посоветоваться с товарищами.

ЗИНОВЬЕВ мне сказал, что я приехал кстати и что надо обсудить предложение ТОМСКОГО. Собрание состоялось на квартире ЗИНОВЬЕВА, присутствовали, насколько помнится, кроме ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА - ФЕДОРОВ, ЕВДОКИМОВ, КУКЛИН, ШАРОВ, ГЕССЕН, я - БАКАЕВ. Информацию сделал ФЕДОРОВ, дополнил его ЗИНОВЬЕВ. Было решено, предложение ТОМСКОГО отвергнуть. ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ держали себя неопределенно; ЗИНОВЬЕВ приводил соображения в пользу блока и соображения против и воздержался от высказывания своей точки зрения. У меня осталось впечатление, что наши вожди не были удовлетворены решением собрания. Под конец собрания ЗИНОВЬЕВ сказал: "Пусть они передерутся между собой, а там видно будет". Мне помнится, что наше решение должен был передать ТОМСКОМУ - Григорий ФЕДОРОВ.

ВОПРОС: Передавали ли Вы о переговорах с правыми, кому либо из Ваших единомышленников, кроме лиц, участвовавших в совещании?

ОТВЕТ: КОСТИНОЙ Анне я передавал о первой встрече с правыми и о последней встрече. Что касается того, говорил ли я еще кому либо - не могу сейчас вспомнить.

Совершенно очевидно, что все эти встречи и переговоры с правыми нельзя объяснить иначе, как полнейшей беспринципностью нашей группы и постоянной готовностью вождей торговать своими идеями, лишь бы добиться руководящего положения в партии.

В период оппозиции и позднее мы всегда кичились тем, что являемся непримиримыми борцами против правых, и что мы деремся за чистоту ленинских принципов, прежде всего, по этому пункту.

На деле получилась обратная картина, мы фактически толкали правых на борьбу с партией и тем самым, поддерживали их идеи капиталистической реставрации во имя осуществления наших планов.

Продолжением этой глубоко беспринципной попытки сотрудничества с антипартийными группировками являются переговоры, которые вел в 1931-1932 г. ЕВДОКИМОВ с леваком Лазарем ШАЦКИНЫМ; переговоры состоялись в Москве в гостинице "Париж", где оба проживали; информацию об этом я получил от ЕВДОКИМОВА. Л.ШАЦКИН в беседе с ЕВДОКИМОВЫМ по политическим вопросам резко антипартийно высказался по поводу политики партии; ЕВДОКИМОВ отвечал ему в тех же выражениях и не скрывал от него свое политическое лицо и то, к какой группе он принадлежит; от ЕВДОКИМОВА я знаю, что ШАЦКИН в этих переговорах говорил от имени леваков.

ШАЦКИН предложил установить взаимный обмен информацией. Об этом предложении ЕВДОКИМОВ в моем присутствии сообщил ЗИНОВЬЕВУ, который одобрил действия ЕВДОКИМОВА и поручил ему поддерживать связи с ШАЦКИНЫМ.

В 1932 году, находясь в Таграх, КАМЕНЕВ также вел переговоры с леваками: с Л.ШАЦКИНЫМ и ЛОМИНАДЗЕ, о чем я знаю со слов КАМЕНЕВА. Содержание разговора я сейчас не помню, знаю, что он был антипартийного характера. КАМЕНЕВ мне передал, что условился об обмене информацией с леваками, что он это считает правильным и необходимым; совершенно очевидно, что предложением об обмене информацией по существу дела вуалировалось предложение о блоке.

ЗИНОВЬЕВУ, помимо этих источников, были хорошо известны политические настроения ЛОМИНАДЗЕ; ЗИНОВЬЕВ мне рассказывал, что от СТЕНА ему известно об антипартийных настроениях ЛОМИНАДЗЕ, что последний не согласен с рядом важнейших решений партии по вопросам внутренней политики.

В 1932 году ЕВДОКИМОВ сообщил мне о встрече со СМИРНОВЫМ И.Н. о разговоре с ним антипартийного характера; ЕВДОКИМОВ сказал, что предполагает, что троцкисты ищут сближения с зинovieвцами, и что СМИРНОВ предложил ему встретиться с МРАЧКОВСКИМ.

Эта встреча состоялась в день отъезда МРАЧКОВСКОГО из Москвы на вокзале в вагоне, но разговор не состоялся, то ли потому, что МРАЧКОВСКИЙ не хотел его начать, то ли потому, что в вагоне было много, неизвестного ЕВДОКИМОВУ, народа.

Мне известна еще одна попытка установления связей нашей группой с антипартийными группировками. Я имею ввиду переговоры ЗИНОВЬЕВА со СТЕНОМ и получение от него, так называемой, рютинской платформы; эти переговоры со стороны ЗИНОВЬЕВА носили характер прощупывания и получения информации об антипартийном,

по существу к.-р. формировании. Разумеется, что переговоры со СТЭНОМ не были случайностью, ибо они целиком вытекали из нашей практики поисков связей с антипартийными группами.

Что означают все эти попытки блоков, установления связей, обмена информацией с разношерстными антипартийными и контрреволюционными группами на протяжении свыше четырех лет?

Все это решительнее, чем какое-либо другое доказательство свидетельствует о неслыханной беспринципности нашей группы и о величайшей глубине падения нас, руководителей зиновьевской организации.

Я хочу вернуться несколько назад, чтобы продолжить изложение на поставленный мне, в начале протокола, вопрос.

Годы 1929-1930-1931 наша группа жила активной политической жизнью, обсуждая в духе, враждебном партии возникавшие вопросы внутренней и внешней политики.

Я систематически бывал у ЗИНОВЬЕВА на квартире; постоянно у него бывали: ЕВДОКИМОВ, ШАРОВ, ХАРИТОНОВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, ФЕДОРОВ Гр., ГОРШЕНИН, иногда бывал в нашем присутствии некий ГРИНБЕРГ, который снабжал ЗИНОВЬЕВА разнообразной литературой, он одно время был секретарем, не то у ЗИНОВЬЕВА, не то у КАМЕНЕВА.

Я участвовал в встрече нового года 1930 или 1931 г. на квартире КАМЕНЕВА, в Москве находился по командировке из Вятки. Было много всякого народа, преимущественно наши единомышленники; встреча носила специфический характер, правда, политических речей и высказываний не было, ограничивались намеками по адресу ЦК. КАМЕНЕВ провозгласил тост "за лучшие времена"; встреча преследовала цель - теснее сблизить наши кадры, сплотить их вокруг старых знамен. Ничего более определенного от этой встречи в памяти у меня не осталось; деньги для ее проведения были даны КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ; присутствовали, помимо ЗИНОВЬЕВА и

КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВ, ШАРОВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, ГОРШЕНИН, я - БАКАЕВ и ряд других лиц.

С мая 1931 г. я живу непрерывно в Москве; переезд в Москву содействовал установлению еще более тесных связей между мною и товарищами по организации. Я могу назвать ряд участников нашей организации по 1928, 1929, 1930 г.г. К их числу принадлежат: НАЛИВАЙКО Фома, АЛЕКСАНДРОВ Александр, он активный комсомолец, работал в последнее время в Леноблснабе, РУТЕНБУРТ, он директор Ленинградского отделения Теплотехнического Ин-та, в свое время был активным оппозиционером; ЛЕВИН Михаил, он был связан с ГЕРТИКОМ; МУШТАКОВ Андрей, бывал у ЗИНОВЬЕВА и ЕВДОКИМОВА; ЦВИБАК, как зовут - не помню, был преподавателем по общественным наукам в Ленинграде; близок к ЕВДОКИМОВУ, ГЕРТИКУ, КУКЛИНУ; ЦВИБАК - человек с крепкими антипартийными настроениями; ЯКОВЛЕВ Моисей; РУСАНОВ, Иван Михайлович. В 1928, 1929 г.г. и позднее к организации принадлежал ШЛЯХОВ, нач. ленинградского отделения Гидроэлектропроект, старый крепкий зинovieвец, бывал у ЗИНОВЬЕВА вместе с РАМОМ.

Вспоминаю замечание ЗИНОВЬЕВА, не то в 1931 г., не то в 1932 г., в связи с опубликованием в газетах о ряде перемещений в правительстве. ЗИНОВЬЕВ сказал: "Если бы мы были у власти, работал бы я в Коминтерне, Лев Борисович - в Совнаркоме, Александр Сергеевич /КУКЛИН/ был бы нашим ШВЕРНИКОМ, а Вы Иван Петрович, были бы нашим ГПУ или ЦКК".

Хотя эти слова ЗИНОВЬЕВ произнес со смешком, было ясно, что они им сказаны неспроста: они указывали нам, его единомышленникам, какие ожидают нас перспективы, а, с другой стороны, -- свидетельствовали о том, какие планы им вынашивались.

Как известно, ХУП партконференция вынесла решение о подеме материального положения трудящихся в 2-3 раза. Со слов ГОР-

- II -

ШЕНИНА мне известно, как ЗИНОВЬЕВ оценивал это решение: он считал его неосуществимым и демагогичным.

В 1932 г. ЗИНОВЬЕВ имел со мною разговор^о подаче заявления в ЦК от имени группы по вопросу о трудностях, переживавшихся страной. Оценивая положение дел в стране, ЗИНОВЬЕВ указывал на особое неблагоприятное с ходом хлебозаготовок и с рабочим снабжением, что партия не имеет правильной информации о действительном положении вещей.

ЗИНОВЬЕВ сказал: "Я тут переговорил кое с кем из товарищей, предлагают обратиться с письмом в ЦК с просьбой дать партии обстоятельную информацию". Я не согласился с ЗИНОВЬЕВЫМ, указав, что партийные круги знают о положении, и, что подача заявления от лица нашей группы будет принята, как групповое выступление; на этом эпизод с подачей заявления закончился.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано-

БАКАЕВ.

ДОПРОСИЛ: ПОМ НАЧ ЭЮ ГУГБ НКВД СССР - ДМИТРИЕВ.

Верно: *В. Б.*